

ЗНАКОМСТВО. ДРУЖБА

С Никулиным мы познакомились лет 12 назад: познакомил нас Вадя Гафт. И так получилось, что мы сразу понравились друг другу, и Никулин, который очень не любил говорить человеку "вы", предложил: давай так договоримся — ты будешь Шурик, а я буду Юрий.

Он, конечно, был уже тогда человеком довольно-таки больным. Тяжелая одышка, по лестнице поднимался с трудом, — но меня поражало его потрясающее стремление всегда быть среди людей. Он все время был в движении: приходил на всякие торжества, на праздники, шутил, выпивал водочку. Я

делал шунтирование в России не следует.

Впрочем, что тут обсуждать? С той коронарограммой просто страшно было куда-то сунуться. Я вообще боялся, что у него будет инфаркт на нашей койке — еще до операции. Мы уже рисковали — все эти восемь дней, пока готовили его к операции. А посадить человека в таком состоянии на самолет...

Представьте на минуту, что во время взлета или посадки у него отказывает сердце. Что тогда? Кто его спасет? Теоретически можно, конечно, предположить, что был бы специальный организованный рейс и в самолете вместе с Никулиным полетела бы реанимационная бригада — с оборудованием и так далее. Что у трапа его встречал бы реанимобиль...

Хотя, наверное, случись все это там — и не было бы такой всеобщей трагедии, ужаса. Все кончилось бы тихо и незаметно. Сообщили бы о смерти по телевидению, показали бы несколько кадров из фильмов. Напечатали некрологи. Но при этом подумали: да, жалко, но — возраст, болезни...

Потому что априори считается, что западная медицина лучше, и, если уж там не смогли спасти человека, — значит, это уже судьба...

Хотя совсем недавно мы с женой были в Париже, и я знаю, как умирал Окуджава.

У него случился тяжелый грипп. Его повезли в лучшую клинику Франции — военно-морской госпиталь. Но поскольку он — русский, врачи отнесли к нему не самым лучшим образом и

умереть прямо на улице, в цирке, на съемках — где и когда угодно, в любой момент. Нужно было снять эту проблему, освободить человека от постоянного риска смерти. И мы решили...

ОПЕРАЦИЯ

Конечно, это была не рядовая операция. Мы ее планировали и готовили. Всем заранее запаслись. У нас была своя операционная, мы шли на ангиопластику, но в другой операционной стоял аппарат искусственного кровообращения и дежурила бригада врачей, медсестер. Еще мы пригласили на операцию Чаусса Николая Ивановича. Он — главный научный сотрудник Центра хирургии, кардиореаниматолог. Он при-

ОШИБКА?

Говорят, что если бы у нас был другой аппарат — не традиционный АИК, который в общем-то не пригодился, а тот, что привезли из Америки для Ельцина, то в случае остановки сердца в течение нескольких минут можно было наладить искусственное кровообращение. Тогда внутренние органы и мозг не пострадали бы так сильно, и, если бы сердце удалось "завести", пациент остался бы жив...

Возможно. Но мы сделали все что могли. Другое оборудование и техники у нас не было. То, что было доставлено и добыто для Бориса Николаевича, — я думаю, было сделано только для него. Вряд ли Никулин мог рассчитывать на

ПРАВДА ПРОФЕССОРА

БРОНШТЕЙНА

История болезни, смерти и любви, рассказанная врачом, который хотел спасти Никулина, но не смог...

Михаил Комсомолец — 1997. — 27
авг. — с. 2.

даже думал: откуда у него столько сил, ведь и диабет был у него довольно сильный, и легочная недостаточность была. Что-то у него было с ногами, с глазами — глаукома была. Я как врач все это знал. Но со стороны это было почти незаметно. А на сердце, кстати, он никогда не жаловался...

Так вот, мы подружились, и довольно сильно. Может быть, неправильно говорить о настоящей дружбе, если знаешь человека всего ничего? А с другой стороны, какая разница? Можно и за 30 лет друзьями не стать. А мы, особенно последние два года, виделись постоянно. Звонили друг другу. Бывали вместе в компаниях. И, надо сказать, я его стал немножечко опекал. И как хозяин клиники, и вообще.

Знаешь, есть такой фонд инвалидов цирка? Никулин мне рассказал про этот фонд, как он помогает своим бывшим коллегам хоть как-то сводить концы с концами, держаться на плаву. И все мои знакомые, которые здесь лечатся и у которых есть деньги, начали передавать туда довольно приличные суммы...

ДИАГНОЗ

И вот в очередной раз я прихожу на работу, вдруг звонок. Никулин: "Я к тебе еду". — "Что случилось?" — "Да вот что-то сердце прихватило". И он приехал, прямо в шапке этого "Белого попугая", в сером костюме. И описывает мне настоящий ангинозный статус, который может быть у человека с грудной жабой.

Короче, у него сильно зажалось сердце. Мы тут же положили его в палату, сняли электрокардиограмму — и... ничего с ее помощью не обнаружили. Но сейчас есть другой способ диагностики — т. н. коронарография, которой у нас владеют блестяще. На следующий день ему эта коронарография была проведена. Когда мы увидели результаты, наступил шок.

У него сердце было закорочено в три магистральных сосуда. Они были закрыты. Может быть, у него были веточки, которые снабжали сердечную мышцу, но что-то надо было с этими сосудами делать. И хотя бы один из них — немедленно открывать.

СОМНЕНИЯ

Что можно было сделать? Есть две вещи, которые существуют на сегодняшний день в мире: аортокоронарное шунтирование (АКШ) и более щадящий вариант — чрезкожная баллонная ангиопластика. Что мы ему и предложили. В этой сфере у наших специалистов огромный опыт, накопленный не только в нашей клинике, но и в других местах, где они практиковали.

Может, я сейчас уже ретроспективно анализирую. Может, и не надо было делать эту операцию. Но сколько бы он прожил — неизвестно. Неделю, две, три, месяц... Может быть, и больше. Этого никто не знает.

Но как врач я не мог оставить его на волю судьбы и не предложить эту операцию, которую у нас делают вполне успешно.

Если бы знать, что он со всеми своими болезнями перенесет АКШ, — тогда все было бы просто: билет на самолет и надежда... Операция эта во всем развитом мире поставлена на поток и не дает серьезных осложнений: в Америке делается 350—400 тысяч операций в год, в России — около тысячи. Хотя, по моему глубокому убеждению,

Но, надо сказать, что в таких ситуациях, когда надо принимать решение, все же срабатывает стереотип. Никулин, несмотря на всю свою знаменитость, был удивительно скромный человек. Он не чувствовал себя какой-то важной персоной, которой нужен спецрейс и так далее. Он так никогда не жил. И я даже не знаю, что могло бы его заставить сделать операцию за рубежом. Он хотел остаться здесь. Ему тут все нравилось — и наша клиника, в которой лечились все его родственники и друзья, и главврач, и все ведущие специалисты, с которыми он был знаком. И повар наш ему нравился, и нянечки, и медсестры, и сестра-хозяйка. Это же была любовь не ко мне лично, это была любовь ко всем нам...

Он взял меня за руку и говорит: "Не бросай меня, Шурик. Я никуда не пойду, делай что надо..." Я ему объяснил, что ситуация сложная, что есть риск. Он дал мне расписку, что согласен делать операцию только у нас...

ЗА ГРАНИЦЕЙ ТОЖЕ УМИРАЮТ...

Вообще, в принципе я не исключал, что он бы и перелет этот выдержал. Но вовсе не факт, что это принесло бы ему облегчение.

сделали далеко не все, что можно было. В результате его просто потеряли. Конечно, он был тяжелым больным, у него были проблемы с печенью, сердцем. Но грипп, даже французский, все же не причина, чтобы позволить человеку умереть...

Еще хуже было с Евгением Евстигнеевым, который поехал в Лондон делать операцию аортокоронарного шунтирования. Когда доктор перед операцией присел к нему на койку и нарисовал схему, что он собирается делать и как именно, Евстигнеев просто этой "подготовки" не пережил — умер от стресса...

Короче, за границей люди тоже умирают. И если честно, то многие советовали мне избавиться от Никулина как от пациента. Не брать на себя такую огромную ответственность. И я бы, наверное, прислушался к их словам, если бы был полностью уверен, что в другом месте его не потеряют.

Оперировать Никулина меня подвигла полная уверенность, что нам операция эта удастся. Потом, он пошел все-таки в родные стены, что имеет немалое значение для больного. И третье — его собственное желание и его молящие глаза. Я их и сейчас вижу...

РЕШЕНИЕ

Когда мы все это ему рассказали, он ответил: "Я остаюсь у Шурика, никуда я не пойду". То же самое сказала и Татьяна Николаевна: "Мы вам доверяем. Пусть он будет у вас".

Он взял меня за руку и говорит: "Не бросай меня, Шурик. Я никуда не пойду, делай что надо..."

Я ему объяснил, что ситуация сложная, что есть риск. Он дал мне расписку, что согласен делать операцию только у нас...

Но... как только он лег на койку — все боли у него тут же прекратились. Он говорит: что со мной? Я — здоровый человек. У меня ничего не болит...

Может быть, тогда его и нужно было выпустить? Не уверен. Это было бы нечестно. При той коронарографии, которая была у Никулина, ему нельзя было ступить и шагу. Он мог

шел на всякий случай. Мне кажется, мы подстраховались всеми возможными способами и людьми...

Никулин пошел на операцию играючи. Это был вторник. Погода была отличная, светило солнце. И он был абсолютно уверен, что это — так, детская игра.

Обычно такие операции длятся минут 20—30. Через бедренную артерию вставляется проводник. Проводник под контролем рентгена проходит сосуды сердца. По проводнику вставляется стент, который расширяет сам сосуд, и... собственно, все — на этом операция заканчивается. Наркоз в этом случае не дается, просто на нос кладется маска (чуть обезболивающая).

Он лег, хирурги раздули сосуд, ввели проводник... Все шло нормально. И вдруг, в самый последний момент, у него закрывается сосуд. И — останавливается сердце. Подспудно именно этого я и боялся...

МЫ ЕГО ТЕРЯЕМ...

Буквально в ту же секунду началась реанимация. Чаусс стал делать непрямой массаж сердца. Благодаря тому, что Никулин не толстый, нам удалось давление держать на нормальном уровне, где-то 120—130. Но ниже — было слишком низкое.

Все это длилось 30—40 минут. И в тот момент, когда мы уже раскрыли аппарат искусственного кровообращения и провели массу других процедур, у него пошел синусовый ритм. Сердце заведось...

И тогда мы решили довести начатую операцию до конца. Поскольку если мы не поставим стент, то обрекаем его на смерть.

Стент — это трубка, которая расширяет сосуд и через которую циркулирует кровь. Ставим стент — и сосуд уже не спазмируется, потому что он находится под воздействием этой трубы.

Так вот, оставшиеся манипуляции провели всего за пять минут. Операция была закончена. Но какой ценой! Ценой того, что в течение 30—40 минут больной находился в состоянии клинической смерти. И пострадали все органы и системы — печень, почки, мозг...

такой же уровень операции в России. Ну, может, если бы он сразу пошел не ко мне, а к Акчурину, у которого этот аппарат, видимо, и остался...

Но это вопрос, который можно теперь только гипотетически обсуждать. Он выбрал нас. А сказать ему — перейди к Акчурину? Во-первых, и сам Никулин, и его родственники настаивали только на моей клинике. А во-вторых, мы просто даже не обсуждали вариант аортокоронарного шунтирования. Потому что с самого начала знали: такой операции ему не вынести...

БОРЬБА

Какое-то время после того, как нам удалось "завести" сердце, у него был синусовый ритм. Мы держали его на управляемом дыхании. Первый день у него был ничего, а на второй, третий — все стало очень нестабильно, и гемодинамика, все время ритм перескакивал с синусового на предсердный, постоянно были пляски артериального давления. Но надежда оставалась до самого последнего дня...

Мы не боялись, что Никулин так долго находится на управляемом дыхании. То есть в состоянии медикаментозного сна. Данные, которые мы получали по энцефалограмме, свидетельствовали, что мозг живой. А если мозг жив и большой спит, то в итоге, если бы удалось справиться с этими поражениями внутренних органов, конечный результат вполне мог быть положительным.

Палата реанимации в эти дни превратилась в какой-то НИИ, в котором работало несколько групп специалистов. Руководителем консилиума стал академик Воробьев, профессора Вейн, Левин и Николаенко. А лечащие врачи — наш Семен Эмануилович Гордин и доктор Чаусс Николай Иванович — главный научный сотрудник Центра хирургии.

Я хочу сказать, что была абсолютная любовь и какое-то безответное желание его спасти. Трудно представить, как радовались каждому показателю, который мы получали в результате тех или иных манипуляций. Например, когда в какой-то момент нам показалось, что мы справились с панкреатитом. Мы ему ввели самотостатин — препарат такой есть. И раз — моментально помогло. Это был праздник! Люди просто прыгали. Они были счастливы, что вот эта проблема кончилась. Сняли ее.

Потом, когда заработала искусственная почка, мы успокоились; и эта часть каким-то образом купирована. Затем начались проблемы с функцией печени. И тут нашли противодействие...

Другое дело, что все наши усилия оказались тщетными. Может, все это покажется неинтересным, потому что человека-то уже нет. Но это было.

Если бы Юрий Владимирович умер на операционном столе, я, наверное, умер бы вслед за ним. Но после операции были 16 дней борьбы за его жизнь, дни любви, нежности.

Водители сами оставались на ночь, ждали — вдруг они будут нужны? Люди с улицы предлагали помощь. Ко мне в кабинет как-то прорвались трое рабочих, которые по соседству чинили трамвайные пути, и стали требовать, чтобы у них взяли кровь для Никулина. Не знаю, кто вообще пустил слух, что Никулину нужна кровь, но на станцию переливания тут же повалили сотни людей. Хотя той группы крови, которая нужна была Никулину, в клинике было в избытке...

Вообще, это было какое-то единение людей. Я даже не знаю, как это получилось. Приходили журналисты, священники, какие-то экстрасенсы, которые всячески хотели помочь. Разве это забудешь?

Вот это и есть Россия. Такого нигде нет. Может быть, "там" этого и не нужно. "Там" все в порядке — приборы, препараты, все отличного качества, все работает — только плати...

Но там нет и не может быть этой любви, которая проявилась здесь по отношению к Никулину.

За эти дни я пережил целый пласт своей жизни. Как врач, как директор клиники я ничего не боюсь. Потому что я ни в чем не виноват. Я делал все что мог. И пусть мне докажут, что я был неправ. Но как человек, который любил Юрия Владимировича...

Я болен сейчас. И болен всем. Болен тем, что сам себя казно неизвестно за что. Я с этим встаю, я с этим ложусь. Я не знаю, что мне делать. Я не могу работать.

Я вообще не могу жить...

Записал Андрей ЛАПИК.